

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "ГУБАШЕВА И ФЕРЗАУЛИ ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба №38433/17)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 8 • Семейная жизнь • Неисполнение властями в течение примерно четырех с половиной лет решения суда о проживании малолетней дочери с матерью • Явное бездействие и неадекватные действия службы судебных приставов-исполнителей • Незначительный административный штраф за отказ отца подчиниться решению суда • Последствия для физического и психического благополучия ребенка и ее связи с матерью

СТРАСБУРГ

5 мая 2020 года

Данное постановление станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Губашева и Ферзаули против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой в следующем составе:

Paul Lemmens, *Председатель*,
Georgios A. Serghides,
Dmitry Dedov,
Alena Poláčková,
María Elósegui,
Gilberto Felici,
Erik Wennerström, *судьи*,

и Milan Blaško, *Секретарь Секции*,

Принимая во внимание:

жалобу против Российской Федерации, поданную в Суд соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданками России Асей Баудиевой Губашевой («первая заявительница») и Раминой Ренатовной Ферзаули («вторая заявительница») 19 мая 2017 года;

решение уведомить Правительство Российской Федерации («Правительство») о жалобах на неисполнение властями решения суда, определившего место жительства второй заявительницы с первой заявительницей, и на отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в этой связи, и признать неприемлемой остальную часть жалобы;

решение рассмотреть вышеуказанную жалобу в приоритетном порядке в соответствии с правилом 41 Регламента Суда;

замечания сторон;

Проведя 16 апреля 2020 года заседание за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее дело касается неисполнения российскими властями решения суда в пользу первой заявительницы об определении места жительства второй заявительницы с ней и отсутствия в данной ситуации эффективных внутригосударственных средств правовой защиты. В связи с этим встает вопрос о соблюдении Статей 8 и 13 Конвенции.

ФАКТЫ

1. Заявители – мать и дочь. Они родились в 1989 и 2012 гг. и проживают в Чеченской Республике и Республике Ингушетия, соответственно. Заявителей в Суде представляли В. Коган и Э. Весселинк из неправительственной организации «Правовая инициатива по России» (SRJI) с офисом в Москве.

2. Российскую Федерацию («Правительство») представлял М. Гальперин, Представитель Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Факты дела, как они представлены сторонами, можно кратко изложить следующим образом.

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. 2 февраля 2012 г. первая заявительница вышла замуж за Р.Ф.

5. 15 мая 2012 г. первая заявительница родила дочь – вторую заявительницу.

6. В августе 2012 г. первая заявительница и Р.Ф. разошлись. Вторая заявительница продолжала жить с первой заявительницей.

7. В августе 2014 г. Р.Ф. выкрал вторую заявительницу.

8. 23 сентября 2014 г. брак между первой заявительницей и Р.Ф. был официально расторгнут.

9. 28 ноября 2014 г. первая заявительница обратилась в Сунженский районный суд Республики Ингушетия («районный суд») с иском об определении места жительства второй заявительницы у нее. В ответ на это Р.Ф. подал иск об определении места жительства ребенка у него.

10. 9 февраля 2015 г. районный суд постановил, что ребенок должен проживать с матерью – первой заявительницей. Иск Р.Ф. об определении места жительства ребенка с ним был оставлен без удовлетворения. Решение суда вступило в законную силу 9 июня 2015 г.

11. 5 августа 2015 г. судебный пристав Е. из Сунженского районного отдела Управления ФССП по Республике Ингушетия возбудил исполнительное производство по судебному решению.

12. 21 августа 2015 г. Р.Ф. сообщил судебному приставу Ч., что местом постоянного проживания Р.Ф. является Чеченская Республика, и попросил передать исполнительное производство в УФССП по Чеченской Республике.

13. 24 августа 2015 г. судебный пристав Ч. из Сунженского РО УФССП обратился в Заводской РО УФССП г. Грозного Чеченской Республики с запросом об установлении места жительства Р.Ф.

14. 27 августа 2015 г. исполнительное производство было приостановлено до установления места жительства Р.Ф. в Чеченской Республике.

15. 5 октября 2015 г. судебный пристав К. из Заводского РО УФССП посетил предполагаемое место жительства Р.Ф. в Грозном. Было установлено, что Р.Ф. по указанному адресу не проживает, а квартира с 2012 года сдавалась в аренду другому лицу.

16. 9 октября 2015 г. судебный пристав Ч. из Сунженского РО УФССП посетил предполагаемое место жительства Р.Ф. в Республике

Ингушетия. Дверь открыла мать Р.Ф., которая сообщила, что ее сын живет в Грозном.

17. 7 декабря 2015 г. судебный пристав К. из Заводского РО УФССП в Грозном получил объяснения от Р.Ф., который вновь заявил, что живет в Грозном и готов явиться к судебному приставу по повестке.

18. 9 декабря 2015 г. исполнительное производство в Республике Ингушетия было приостановлено, а 30 декабря 2015 г. было принято решение о передаче его в Заводской РО УФССП в Грозном.

19. 16 февраля 2016 г. исполнительное производство было передано в Заводской РО УФССП в Грозном.

20. 16 марта 2016 г. судебный пристав Т. из Заводского РО УФССП вновь посетил предполагаемое место жительства Р.Ф. в Грозном и убедился, что Р.Ф. там не проживает.

21. 11 апреля 2016 г. Р.Ф. был назначен административный штраф в размере 1000 рублей (около 15 евро) за неисполнение решения суда от 9 февраля 2015 года.

22. 21 апреля 2016 г. судебный пристав Т. из Заводского РО УФССП в Грозном объявил вторую заявительницу в розыск.

23. 3 июня 2016 г. было установлено, что вторая заявительница посещает детский сад в Республике Ингушетия.

24. 22 июня 2016 г. было принято решение о возвращении исполнительного производства в Сунженский РО УФССП по Республике Ингушетия.

25. 1 августа 2016 г. исполнительное производство было возвращено в Сунженский РО УФССП по Республике Ингушетия.

26. 9 августа 2016 г. судебный пристав А. посетил предполагаемое место жительства Р.Ф. в Республике Ингушетия. Дверь никто не открыл. Тогда судебный пристав посетил Р.Ф. по месту работы и провел с ним беседу. Р.Ф. заявил, что работает в Республике Ингушетия, а проживает в Чеченской Республике и что не намерен возвращать ребенка первой заявительнице.

27. 5 октября 2016 г. исполнительное производство было вновь передано в Чеченскую Республику.

28. 4 ноября 2016 г. Служба судебных приставов в Грозном отказала в возбуждении исполнительного производства в отношении Р.Ф. на территории Чеченской Республики.

29. 13 декабря 2016 г. материалы исполнительного производства были возвращены в Сунженский РО УФССП по Республике Ингушетия.

30. Между тем, 12 октября 2016 г. первая заявительница обратилась в суд с иском о признании незаконными действий судебных приставов.

31. 22 ноября 2016 г. районный суд признал незаконным бездействие Сунженского РО УФССП, отметив, что действия судебных приставов были явно недостаточными для обеспечения исполнения решения от 9 февраля 2015 года, что требования судебных приставов носили

ограниченный и формальный характер, и что приставы допускали длительные периоды бездействия. Суд обязал приставов устранить вышеуказанные нарушения.

32. 23 декабря 2016 г. исполнительное производство было в третий раз передано в Грозненскую службу судебных приставов по Чеченской Республике.

33. 31 января 2017 г. материалы исполнительного производства были получены Грозненской службой судебных приставов.

34. Однако 27 февраля 2017 г. исполнительное производство было снова возвращено в Сунженский РО УФССП по Республике Ингушетия.

35. На сегодняшний день судебное решение от 9 февраля 2015 года остается неисполненным.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

36. См. соответствующие положения внутригосударственного законодательства в постановлении по делу *Pakhomova v. Russia* (по. 22935/11, §§ 91-112, 24 октября 2013 г.).

37. Кроме того, согласно Федеральному закону «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 года, при обнаружении ребенка, в отношении которого объявлен розыск, судебный пристав-исполнитель, осуществляющий розыск, незамедлительно сообщает об этом органам опеки и попечительства по месту обнаружения ребенка и принимает меры для передачи ребенка законному представителю, опекуну или попечителю, которому должен быть передан ребенок во исполнение требования исполнительного документа. В случае невозможности немедленной передачи ребенка указанному законному представителю, опекуну или попечителю судебный пристав-исполнитель передает ребенка органам опеки и попечительства по месту обнаружения ребенка, о чем незамедлительно извещает указанного законного представителя, опекуна или попечителя (п. 14 статьи 65).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

38. Первая заявительница от своего имени и от имени второй заявительницы жаловалась, что власти не исполнили судебное решение от 9 февраля 2015 года об определении места проживания второй заявительницы у нее. Заявительница ссылаясь на Статью 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни...

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство

предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

39. Правительство утверждало, что российское законодательство об исполнительном производстве предусматривает ряд механизмов, обеспечивающих исполнение требований судебного решения лицом, не исполняющим их. К таким механизмам относятся административная и уголовная ответственность, возможность оспаривания третьими лицами в суде законности действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей, а также установленный порядок действий судебных приставов-исполнителей при организации и проведении розыска должника (или ребенка). Правительство также утверждало, что в настоящем деле национальные власти приняли все необходимые меры по обеспечению скорейшего исполнения решения от 9 февраля 2015 года. Однако поскольку Р.Ф. с ребенком скрывался, указанное решение осталось неисполненным. В апреле 2016 года было установлено, что действия Р.Ф. по умышленному затягиванию сроков исполнения судебного решения и воспрепятствованию его исполнению составляют административное правонарушение, и Р.Ф. был назначен административный штраф. Правительство сделало вывод, что жалоба представляется явно необоснованной.

40. Заявители утверждали, что действия, предпринятые службой судебных приставов в контексте исполнительного производства, были явно неэффективными и затянутыми и не дали никакого результата. Между тем был нанесен непоправимый вред эмоциональной связи между заявительницами, что вызвало у них страдания и психологическую травму.

41. Меры по обеспечению исполнения судебного решения свелись к трем посещениям предполагаемого места жительства Р.Ф., одному посещению его места работы и одному посещению детского сада второй заявительницы. За неисполнение решения суда Р.Ф. был наказан всего один раз административным штрафом. Сумма штрафа была незначительной. В розыск Р.Ф. был объявлен через много месяцев после того как выяснилось, что сведения о его фактическом месте жительства отсутствуют. Не было принято никаких мер исполнительного производства после того как удалось установить, что ребенок посещает детский сад в Республике Ингушетия и что Р.Ф. работает в Республике Ингушетия. Исполнительное производство трижды передавалось в Чеченскую Республику и обратно в Республику Ингушетия. Кроме того, национальный суд признал действия и бездействие судебных приставов незаконными, отметив при этом, что принятые меры были явно недостаточными и носили ограниченный и формальный характер.

А. Приемлемость

42. Суд отмечает, что данная часть жалобы не представляется явно необоснованной в значении Статьи 35 § 3 (а) Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо дела

1. Общие принципы

43. Важнейшей целью Статьи 8 Конвенции является защита личности от произвольного вмешательства со стороны государственных органов. Также у государства могут возникать позитивные обязательства по эффективному обеспечению «уважения» семейной жизни. Согласно существующей практике Суда, в случае споров между родителями и (или) другими родственниками детей относительно общения с детьми или места их проживания, данное положение Конвенции предполагает, помимо прочего, право одного из родителей на принятие мер по его/ее воссоединению с ребенком и обязанность национальных властей принимать такие меры (см. *Muruzheva v. Russia*, no. 62526/15, § 49, 15 мая 2018 г., включая ссылки в данном постановлении).

44. В то же время обязанность национальных властей принимать меры содействия такому воссоединению не является абсолютной, поскольку воссоединение одного из родителей с детьми, жившими некоторое время с другим родителем, может состояться не сразу и потребовать подготовительных мер. Характер и степень такой подготовки будут зависеть от конкретных обстоятельств в каждом случае, но важными составляющими всегда являются понимание и сотрудничество всех заинтересованных сторон. При том что национальные власти должны сделать все возможное для содействия такому сотрудничеству, любое обязательство принуждать к сотрудничеству должно быть ограничено, поскольку необходимо учитывать интересы, а также права и свободы всех заинтересованных сторон, в особенности интересы ребенка и его/ее права в соответствии со Статьей 8 Конвенции. Об адекватности той или иной меры следует судить по скорости ее применения, поскольку с течением времени могут наступить непоправимые последствия для отношений между ребенком и родителем. Хотя в этой чувствительной сфере нежелательны принудительные меры, затрагивающие ребенка, тем не менее нельзя исключить применение санкций в случае противоправного поведения со стороны родителя, у которого проживает ребенок (см. упомянутое выше постановление по делу *Muruzheva*, § 50, и ссылки в нем).

2. Применение в настоящем деле

45. Суд отмечает, во-первых, что по мнению обеих сторон, связь между заявительницами следует квалифицировать как «семейную жизнь» для целей Статьи 8 Конвенции. Далее Суд отмечает, что решение Сунженского районного суда Республики Ингушетия от 9 февраля 2015 года, согласно которому был определен порядок проживания с первой заявительницей ее дочери – второй заявительницы, которой на тот момент было два года и восемь месяцев, остается неисполненным до сих пор, около четырех с половиной лет спустя. Соответственно, необходимо установить, предприняты ли национальными властями все необходимые шаги, которых на разумных основаниях можно было бы ожидать в данных обстоятельствах, для обеспечения исполнения этого решения.

46. Суд отмечает, что решение от 9 февраля 2015 г. вступило в силу 9 июня 2015 г. и что 5 августа 2015 г. судебным приставом-исполнителем Е. из Сунженского РО УФССП по Республике Ингушетия возбуждено исполнительное производство.

47. Далее Суд отмечает, что в период с 5 августа 2015 г. по 27 февраля 2017 г. исполнительное производство трижды передавалось из УФССП по Республике Ингушетия в УФССП по Чеченской Республике и обратно (см. выше пп. 11, 18, 24, 27, 29, 32 и 34). Это произошло из-за того, что национальным властям не удавалось установить, проживает ли Р.Ф. в Республике Ингушетия или в Чеченской Республике, а значит и определить, какая служба судебных приставов должна заниматься исполнительным производством по делу.

48. Национальные власти утверждали, что не смогли установить место жительства Р.Ф., хотя он не скрывался. При этом с ним общались судебные приставы обоих регионов. Суд отмечает в связи с этим, что 7 декабря 2015 г. судебный пристав К. из РО УФССП в Грозном получил объяснения от Р.Ф., а 9 августа 2016 г. судебный пристав А. из РО УФССП по Республике Ингушетия посетил место работы Р.Ф. и беседовал с ним (см. выше пп. 17 и 26). Также Суд отмечает, что помимо посещения предполагаемых мест проживания Р.Ф. в обоих регионах, не было принято никаких доступных приставам-исполнителями мер по установлению его фактического места жительства. Розыск второй заявительницы был начат лишь 21 апреля 2016 г. (см. выше п. 22).

49. Суд далее указывает, что несмотря на установление места работы Р.Ф. в Республике Ингушетия и факта посещения второй заявительницей детского сада в Республике Ингушетия (см. выше п. 23), Служба судебных приставов в Ингушетии продолжала передавать исполнительное производство в УФССП по Чеченской Республике. Более того, сам факт установления местонахождения второй заявительницы позволял судебным приставам принять немедленные

меры для передачи ее первой заявительнице (см. выше п. 37). Однако приставы таких мер не приняли.

50. Кроме того, несмотря на откровенный отказ Р.Ф. исполнить судебное решение от 9 февраля 2015 года, к нему был применен 11 апреля 2016 г. лишь административный штраф в размере около 15 евро (см. выше п. 21). Из материалов дела неясно, был ли этот штраф фактически взыскан с Р.Ф. В любом случае, он был слишком незначительным и недостаточно подкреплён дальнейшими мерами принуждения, чтобы побудить Р.Ф. к исполнению судебного решения.

51. Суд отмечает, что 22 ноября 2016 г. районный суд признал незаконным бездействие Сунженского РО УФССП, отметив, что действия судебных приставов были явно недостаточными для обеспечения исполнения решения от 9 февраля 2015 года, что требования судебных приставов носили ограниченный и формальный характер и что приставы допускали длительные периоды бездействия (см. выше п. 31). Но несмотря на предписание районного суда приставам устранить выявленные недостатки исполнительного производства, из материалов дела нельзя сделать вывод, что предписание было выполнено.

52. Что касается доводов правительства о существовании в России различных механизмов по обеспечению исполнения судебных решений, подобных тому, о котором идет речь (см. выше п. 39), Суд отмечает, что если такие механизмы и существуют, они не были приведены в действие в рассматриваемом деле.

53. Суд с серьезной обеспокоенностью отмечает, что решение от 9 февраля 2015 года, определяющее место жительства второй заявительницы вместе с матерью (первой заявительницей), остается неисполненным спустя более четырех с половиной лет после вынесения. Такой недопустимо долгий срок, составляющий очень большую часть жизни ребенка, чреват многими последствиями для ее физического и психического благополучия. Столь долгая разлука разрушает связь между заявительницами и тем самым ставит под угрозу их семейную жизнь.

54. Принимая во внимание вышеизложенное и не отрицая трудности, вызванные отказом отца ребенка подчиниться судебному решению, Суд приходит к выводу, что российские власти не приняли безотлагательно все меры, которых можно было на разумных основаниях ожидать, для исполнения решения от 9 февраля 2015 г. и тем самым нарушили право заявителей на уважение их семейной жизни, гарантированное Статьей 8.

55. Таким образом, имеет место нарушение Статьи 8 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

56. Первая заявительница также жаловалась от своего имени и от имени второй заявительницы на отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в связи с их жалобой на нарушение Статьи 8 Конвенции из-за неисполнения судебного решения об определении места жительства второй заявительницы с первой заявительницей. Она ссылаясь на Статью 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.»

57. Правительство не делало отдельных заявлений в связи со Статьей 13.

58. Заявители утверждали, что на внутригосударственном уровне отсутствовало законодательство, которое эффективно обеспечивало бы исполнение судебных решений, касающихся определения места жительства ребенка. Они указали на следующие недостатки: незначительные суммы административных штрафов за несоблюдение требований исполнительного документа; трудности, возникающие при переезде не исполняющего решение родителя на другое место или при смене им официального места жительства, в результате чего исполнительное производство прекращается в одном регионе и возбуждается в другом; отсутствие ясности в судебных решениях о месте проживания детей и общении с детьми; серьезные пробелы в исполнительном производстве по причине бездействия судебных приставов-исполнителей; недостаточно оперативное рассмотрение судами жалоб на действия (бездействие) судебных приставов-исполнителей; отсутствие санкций в отношении судебных приставов по результатам судебной проверки их действий (бездействия); отсутствие адекватной практики передачи ребенка от одного родителя другому; отсутствие четкого плана действий и координации между различными ведомствами при установлении местонахождения ребенка и не исполняющего судебное решение родителя; отсутствие фиксированных сроков исполнения решений.

59. Суд отмечает, что данная жалоба связана с рассмотренной выше и, следовательно, также должна быть признана приемлемой.

60. В свете своих выводов относительно нарушения Статьи 8 Конвенции (см. выше пп. 45-55) Суд полагает, что нет необходимости отдельно рассматривать вопрос о том, имеет ли место в данном случае нарушение Статьи 13.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

61. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

A. Компенсация вреда

62. Заявители потребовали компенсацию морального вреда, причиненного им в результате предполагаемого нарушения Конвенции, в том размере, какой определит Суд.

63. Правительство утверждало, что поскольку заявители не представили количественную оценку запрашиваемой компенсации морального вреда, данное требование должно быть отклонено.

64. Суд считает, что заявители, по всей вероятности, испытывали и продолжают испытывать глубокие страдания из-за невозможности поддерживать отношения друг с другом. Суд полагает, что в отношении первой заявительницы справедливая компенсация не может быть обеспечена одной лишь констатацией нарушения ее прав. В свете обстоятельств дела и на справедливой основе в соответствии с требованиями Статьи 41 Суд присуждает первой заявительнице по данному основанию 12 500 евро. Что касается второй заявительницы, Суд считает, что сам факт установления нарушения обеспечивает достаточную справедливую компенсацию морального вреда, который мог быть ей причинен в результате нарушения ее прав по Статье 8 (см. *Hromadka and Hromadkova v. Russia*, no. 22909/10, § 180, 11 декабря 2014 г., с приведенными в нем ссылками).

B. Расходы и издержки

65. Первая заявительница запросила 3154,78 евро в качестве компенсации расходов по ведению ее дела в национальных судах и Европейском суде. В запрашиваемую сумму вошли: расходы на изучение и подготовку материалов по делу в размере 2850 евро, административные (телефон, факс и электронная почта, фотокопирование и канцелярские товары, вспомогательный административный персонал) и почтовые расходы в размере 304,78 евро. В подтверждение этого требования первая заявительница представила копию договора с организацией SRJI об оказании юридических услуг от 20 марта 2017 года, согласно которому в случае, если Суд присудит заявительнице компенсацию расходов по ведению дела, она должна будет оплатить юридические услуги из расчета 50 евро

в час за работу штатных юристов SRJI и 150 евро в час за работу экспертов SRJI, административные расходы в размере 7% от всех расходов по ведению дела, а также почтовые расходы. Первая заявительница также представила детализированный счет от 25 мая 2018 года, в котором указаны объем работы юристов по данному делу, административные расходы и почтовые расходы, подтвержденные счетом от DHL. Она просила перечислить оплату расходов по ведению дела непосредственно на банковский счет SRJI.

66. Правительство утверждало, что первой заявительницей не были представлены доказательства того, что указанные расходы были фактически понесены. В частности, согласно договору между первой заявительницей и ее представителем об оказании юридических услуг, эти расходы подлежали уплате только в случае успешного исхода разбирательства в Суде, а значит, данный договор не имеет исковой силы в России.

67. Согласно практике Суда, заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек, если доказано, что они были фактически понесены, необходимы и разумны в количественном отношении (см. *Buzadji v. the Republic of Moldova* [GC], no. 23755/07, § 130, ECHR 2016, и более позднее *Merabishvili v. Georgia* [GC], no. 72508/13, § 370, ECHR 2017).). Расходы на вознаграждение представителя считаются фактически понесенными, если заявитель их оплатил или обязан оплатить (см. *Ždanoka v. Latvia*, no. 58278/00, § 122, 17 June 2004, и *Merabishvili v. Georgia* [GC], цит. выше, § 372). Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжение документы и вышеуказанные критерии, Суд считает целесообразным присудить первой заявительнице 3155 евро на оплату расходов по ведению дела на национальном уровне и в Суде. Данная сумма должна быть перечислена непосредственно на банковский счет SRJI, указанный первой заявительницей.

С. Проценты за просрочку

68. Суд считает, что сумма процентов за просрочку должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобы на нарушения Статей 8 и 13 Конвенции приемлемыми;
2. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 8 Конвенции;

3. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции;
4. *Постановляет*,
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить первой заявительнице в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, с конвертацией в валюту государства-ответчика по курсу на дату выплаты:
 - (i) 12 500 (двенадцать тысяч пятьсот евро) плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 3 155 (три тысячи сто пятьдесят пять евро) плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы первой заявительницей, в счет возмещения расходов и издержек; эти средства должны быть перечислены на банковский счет SRJI;
 - (b) что со дня истечения трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
5. *Постановляет*, что установление нарушения само по себе является достаточной справедливой компенсацией морального вреда, причиненного второй заявительнице.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 5 мая 2020 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Milan Blaško
Секретарь

Paul Lemmens
Председатель